

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 110 (4076)

Суббота, 5 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Увлекательное путешествие

ВДОЛЬ гранитного парапета Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького в эти дни стоят подъемные краны, устремившие зрись свои многометровые стрелы, бульдозеры и экскаваторы, сельскохозяйственные машины, грузовики с маркой Лобнинского автозавода, новые автомобили, несущие имя героического города — «Варшава». А у самого берега — в водах 30-метровые струи фонтанов — это девять глубинных насосов польской марки демонстрируют свою рабочую мощь.

Тихая набережная превратилась в запруженный народом открытый павильон Польской промышленной выставки, самой большой из всех выставок, устраиваемых когда-либо Польшей за границы. О ее масштабах говорят внушительные цифры, которые назвали нам в пресс-бюро выставки.

Польская промышленная выставка в Москве, разместившаяся в четырех больших павильонах и на открытых площадках, занимает 18 тысяч квадратных метров. Ее экспонаты — 500 машин, демонстрационных в действии, около 50 типов станков, 1500 аппаратов и научно-исследовательских приборов, около 10 тысяч изделий легкой, мебельной, стекольной, текстильной, пищевой промышленности. Более 300 железнодорожных вагонов проделало путь от Варшавы до Москвы, чтобы доставить сюда эти экспонаты.

Днем 4 сентября Польскую промышленную выставку в Москве открыл Председатель Совета Министров Народной Республики Юзеф Циранкевич. На торжественном открытии выставки выступил с приветственной речью Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

Эта выставка призвана показать советским людям достижения, которых добился польский народ за 15 лет социалистического строительства, за 15 лет свободной демократической Польши. Она помогает глубже понять, какой действительно большой путь дерзновенных побед прошла народная Польша в минувшее пятидесятилетие.

Вместе с первыми посетителями, перед которыми гостеприимно откры-

лись вчера двери павильонов, мы идем по выставке. И невольно вспоминаются нам мрачные прогнозы лжепророков из западной печати, которые 15 лет назад подсчитали, что пройдут десятилетия, прежде чем Польша, отгубленная и опустошенная гитлеровскими орденами, достигнет довоенного хозяйственного уровня кануна сентября 1939 года. Среди этих лжепророков было немало ученых-экономистов. Они желали быть объективными и обосновывали свои выводы на строгих статистических подсчетах. Но статистика подвела экономистов, забывших о том, что для свободного народа, который сам строит свое будущее, нет ничего невозможного. Прошло всего 15 лет — и народная Польша из отсталой аграрной страны превратилась в передовую индустриальную державу.

Пятнадцать лет назад стояли без движения польские шахты, разрушенные, затопленные водой. Но отечественные угольные комбайны, урбанные машины, демонстрируемые сегодня на выставке, возродили их к жизни, помогли польским шахтерам оставить далеко позади довоенный уровень добычи угля. Пятнадцать лет назад Польша не было ни одного судостроительного завода, лишь судоремонтные мастерские оставили «использованные» планы в наследство народной Польше, да и те были разрушены гитлеровскими оккупантами. А сегодня в четвертом павильоне выставки стоят модели морских и речных судов, спущенных на воду польскими кораблестроителями. Пятнадцать лет назад Польша не могла удовлетворить потребности населения в товарах легкой промышленности. А сегодня в третьем павильоне выставки разноцветными волнами спадают с потолка шерстяные, шелковые, шифоновые, вытканые польскими текстильщиками на экспорт. Наряден и красочен этот третий павильон. Кроме тканей и одежды, здесь выставлены детские игрушки, изделия, изготовленные польскими народами умельцами — мастерами хрустальной и фарфоровой, керамической и вышивки.

Выставка посетят в предстоящие три недели парк культуры, совершат в ее павильонах путешествие по заводам и стройкам народной Польши. Это будет увлекательное путешествие в страну наших соседей и друзей.

В. ОСКОККИ

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ!

ДВЕ НЕДЕЛИ провела в Советском Союзе делегация Национального синдиката писателей Италии, по инициативе которого был созван Международный конгресс в Неаполе с целью создания Европейского сообщества писателей.

Члены делегации — известный литературный критик и публицист Джанкарло Вигорелли, генеральный секретарь неаполитанского конгресса Пьетро Фризоли и критик, искусствовед Г-жа Лоренца Трукки — совершили за это время поездку по стране, побывали в Кьево, Риме, Ленинграде.

На днях в Союзе писателей СССР под председательством А. Суркова между итальянскими и советскими писателями состоялся официальный обмен мнениями по поводу проекта устава Европейского сообщества. Членам делегации Д. Вигорелли и П. Фризоли были вручены письма М. Ваяна и А. Чаковского — представителей Союза писателей СССР в подготовительном комитете по созданию Европейского сообщества. В письмах изложена точка зрения Союза писателей СССР на проект устава, содержатся замечания и конструктивные предложения к этому документу. В обсуждении приняли участие К. Зелинский, В. Инбер, В. Некрасов, Е. Романова, А. Салынский, А. Чаковский.

П. Фризоли и Д. Вигорелли выразили благодарность советским писателям за внимательное и серьезное отношение к рассмотрению проекта устава, а также за гостеприимство, которое им было оказано в нашей стране.

— За эти дни, — сказал Пьетро Фризоли, — мы много ездили по вашим хо-

рошим дорогам, мы видели города, которыми может гордиться любая страна, мы побывали на интересных заводах и фабриках, на прекрасных ваших пляжах и пляжках, мы получили дары вашего щедрого лета, которое, к сожалению, уже кончается. Все было очень интересно! Но самое интересное, — подчеркнул Джанкарло Вигорелли, — это были встречи с советскими людьми. И всякий раз мы, как инженеры-доброжелатели, пытались протянуть между нами мост взаимопонимания, и мы надеемся, что это нам удалось. Поэтому сегодня нам хочется еще раз повторить здесь — и не только от себя, а от имени синдиката итальянских писателей — слова благодарности за то счастье, которое мы испытали, посетив вашу страну. Мы надеемся в скором времени принять советских писателей у себя в Италии и оказать им такое же теплое гостеприимство, какое было оказано нам.

ПРАЗДНИК СИБИРСКОЙ КНИГИ

Книги из Приморья, Забайкалья, Примурья, из девятнадцати краев, областей и автономных республик Сибири и Дальнего Востока прислали на выставку-ярмарку сибирской книги, открывшуюся в Омске, в Доме политического просвещения.

НЕДЕЛЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧУВАШИИ

В связи с проведением в Чувашии недели татарской литературы в Чебоксары прибыла делегация татарских писателей. Гости возложили венок у подножия памятника классику чувашской литературы К. В. Иванову. Составили встречи с читателями. Татарские писатели побывают на предприятиях и в колхозах республики.

Во имя человека!

РАДОСТНАЯ весть о посещении Никитой Сергеевичем Хрущевым станции Вешенской глубоководной писательской мастерской Азербайджана. Мы увидели в этом еще одно проявление большой любви родной партии коммунистов к советским литераторам, которые своими произведениями служат великому делу мира и социализма.

Речь Никиты Сергеевича на митинге в станции Вешенской насыщена богатыми мыслями, проникнута трогательной заботой о творческой интеллигенции Советского Союза. Товарищ Хрущев на замечательном примере творчества широко известного во всем мире автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» показал, каким должен быть настоящий художник страны социализма, как он ответствен перед народом, перед нашим требовательным читателем.

Речь товарища Хрущева еще и еще раз напоминает нам о том, что партия рассматривает писателей, как своих активных и верных помощников в деле коммунистического воспитания трудящихся. Писатель, кровно связанный со своим народом, должен глубоко понять значение слов Никиты Сергеевича о том, что «мы строим коммунизм во имя человека, во имя его счастья».

В коммунизм люди должны прийти осознанными, с частнособственнических привычек, от эгоизма, своекорыстия — от всего того, что мешает людям жить по-коммунистически. Для советской литературы важно не только запечатлеть дела и подвиги людей, но и показать идейные истоки героизма, рождающегося в борьбе за победу коммунизма.

Да, наша литература, самая человечная во всем мире, должна еще глубже, еще более всесторонне раскрыть духовный облик людей социалистической формации, глубоко и правдиво показывать рождение подвигот.

Какие благородные задачи стоят перед нами мы, советские писатели, творим во имя человека, во имя мира и братства людей всего земного шара.

Мехти ГУСЕИН

ВАКУ

Это самое главное

КАЖДОГО советского человека, не говоря уж о нас, литераторах, думается мне, глубоко взволновало посещение Никитой Сергеевичем Хрущевым станции Вешенской. Его проникновенные слова о самом большом писателе нашей страны, о роли советских литераторов в воспитании нового человека вновь и вновь являют собою пример подлинно государственной, партийной заботы о нашей литературе.

Забываются обычно о тех, кого любят, в кого верят, на кого надеются. Партия наша всегда, во все времена, заботилась о писателях, в которых видит активных и верных своих помощников в коммунистическом воспитании трудящихся. Я подчеркиваю слово «своих», ибо подлинно советский писатель всегда был и остается писателем партийным. На заботу эту может и должен быть только один ответ — книги, и обязательно книги яркие, вдохновенные, достойные самого прекрасного в

мире читателя — строителя коммунизма.

Вот почему качество нашего труда — самая важная, самая наболевшая из всех проблем, которые беспокоят нас сегодня. И, пожалуй, ни перед кем не стоит эта проблема так ответственно, как перед пишущими для самых юных. Ведь каждый талантливый писатель, будь то автор книжек для малышей или создатель солидных повестей для подростков, в огромной мере способствует формированию нового человека коммунистического завтра. Именно об этой благороднейшей особенности писательского труда с большой теплотой говорил Н. С. Хрущев в дружеской, открытой беседе с делегатами Первого российского писательского съезда.

Очень хочется писать лучше, и если сегодня и завтра из-под нашего пера рождаются строки более сильные и яркие, нежели рождались вчера, то это и будет самым достойным ответом на заботу партии о советской литературе.

Сергей БАРУЗДИН

Художник, обогащающий мир

Юрий БОНДАРЕВ

за победу светлого в этом мире. Особенность Шолохова (а это свойство подлинно художника) в том, что его книги прочно врезаются в память, они не забываются, в какой бы обстановке ты ни находился, о чем бы ты ни думал, как бы тяжело или легко тебе ни было.

Помню, как в дни Сталинградской операции мы шли по освобождаемому Калачу — подтапывали плечами орудия, увязавшие в оттепельном снегу, шагали в мокрых, раскисших валегах по бурой жиже. Мы наступали. И знала, что эти места близки Шолохову. Я смотрел на отсыревшие стены домов, на черные голые сады, в которых еще таяли дымки немецких разрывов, смотрел на белесый берег Дона — скамьями сердце. И шел по земле, на которой будто родился и вырос. Эти места были мне хорошо знакомы по книгам Шолохова. Шагавший рядом со мной командир орудия, сержант, бывший зоотехник, человек пожатой, суровой, обросший грязной щетиной, глядя на Дон, неожиданно спросил меня, знаю ли я, где сейчас писатель Шолохов. Я ответил, что на фронте.

— Крепко писал, — сказал он медленно, — говорит, сидит с удочкой, глядит на поплавок и не видит, что кивает, вдруг вскакивает и... домой. Слово записать... Каждое слово обдумывал...

Долгое время я верил этому рассказу. Только потом мне стало ясно, что секрет широкого успеха шолоховских творений не только в блестящем мастерстве, в колоссальной работе над словом, но в первую очередь — в его кровной связи с народом, в глубочайшем понимании художником души человека, в его понимании борьбы за самый человеческий общественный строй — социализм.

Шолохов — огромный художник нашего времени, воспитывающий своими произведениями любовь к народу, преданность делу партии, самую высокую гуманность. Редко кто из писателей имеет столько учеников среди молодых литераторов, сколько этот великодушный мастер. Я знаю многих писателей, которые, поставив последнюю точку на рукописи своего романа, мысленно пере-

ческой партии, нашего Советского правительства.

Приверженцы «холодной войны» говорят, что они не отступят от твердых позиций и будут верны им до конца. А «твердые позиции» — это площадки для атомных ракет, новые пушки вместо хлеба. В это время Н. С. Хрущев разговаривает с руководителями донецкого колхоза имени Сталина А. П. Чеховским о детских яслях, о колхозных санаториях, о школе.

У них — «цементация» всяких блоков и обсуждение планов «наилучшего» расположения атомных баз.

У нас — обсуждение планов оснащения сельского хозяйства новыми машинами, обсуждение путей развития экономики страны, думы о месте человека в жизни, заботы о советской культуре.

Такова социальная суть двух миров. Давно-давно мне посчастливилось слушать великого Ленина. Тогда, на заре Советского государства, он говорил о том, что мы — одни в алчном мире капитала и что нам, советским людям, всегда надо быть начеку. Теперь наш новый мир наступает, наступает пшеницей, кукурузой, книгами, машинами и иными благами. И казалось бы: старайтесь делать людям поощение добра и прибавляйте шагу в этом благородном деле. Так нет, вместо этого многие делатели на Западе хлопчот о пушках и бомбах. А ведь пушки для того и делают, чтобы сеять смерть. Между тем люди любят жизнь и для этого именно избирают себе в руководители таких, которые сумели бы заткнуть горло пушкам и пушкарям и открыть светлую дорогу к жизни. Так не лучше ли освободить эту светлую, солнечную дорогу человеческой мысли от пушек и оставить по себе в поколениях хорошую память великих сеятелей добра и согласия?

Никита Сергеевич Хрущев сто раз протягивал руку дружбы, руку согласия всем, всем, протягивал из Москвы и Украины, из Сибири и Польши, из самой гущи миллионов простых людей нашей Родины. И сейчас он снова протягивает эту руку из далекой донецкой станции и собирается ехать за океан с великим представителем социалистической культуры, Шолоховым. Это счастливое предзнаменование.

Жизнь дана человеку единожды во всех частях света, независимо от цвета кожи, вероисповедания и общественного положения. И ее надо оберегать всеми средствами и украшать, елико возможно, каждодневно.

Время пушек никогда больше не должно вернуться, если мы хотим остаться жить на нашей планете. Таково веление истории.

Михаил СОКОЛОВ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Дневник ПИСАТЕЛЯ

ЕСТЬ писатели, которые населяют мир своими героями, — мир от этого становится богаче, шире, прекраснее. Вы можете прожить с человеком в одном доме всю жизнь, будете знать о нем все, что, казалось бы, возможно узнать: его походку, его выражение глаз, его привычки, его манеру одеваться, его слабости и достоинства, но вы не узнаете о нем то, что расскажет талантливый художник, обладающий чувством ясновидения плоти. Порой вы видите на улице, в трамвае человека, похожего на вашего соседа, — вы несколько изумлены: «Да, похож, очень похож» — но все же не испытываете того странного, волнующего озарения, какое бывает при встрече с совсем иным знакомым, с которым связаны родственно и кровно. Вы видите на улице женщину с той особой, до радостной боли знакомой походкой, с тем же взглядом, что был живой сущностью Анны Карениной, — и в то же мгновение чувствуете, что знаете об этом человеке все, что он вам очень дорог, что это как бы вторая ваша жизнь, прожитая и еще не прожитая.

Однажды в маршевой роте мне пришлось встретиться с лейтенантом, чрезвычайно похожим на Григория Мелехова. Лейтенант этот был смугл, горбонос, высок, с «мелеховским взглядом»; он сутулится, как Григорий, говорил с хрипотцой, — и я хорошо помню то давнее ощущение узнавания. Я, разумеется, отлично знал, что это не Григорий, что этот человек не мог быть Григорием, но мне страстно хотелось, чтобы лейтенант этот был Григорием, чтобы за его спиной было все, что я знал: и Аксиныя, и Наталья с детьми, и хутор Татарский, и Дон со свиноподобной стремниной, и сухой, душный запах развороченной конны, и кипение с опаленной нобой над куренями, и места Григория в поисках правды, и его приход в родной хутор, и прозрачно-зеленая вода у крутояра, куда он бросил винтовку.

Лейтенант этот знал, что он похож на Григория, и, зная это сродство, — видимо, не один я говорил ему об этом, — внешне подражал Григорию. Лейтенант был молодой, родом из Сибири, за его спиной была иная жизнь, ничем не похожая на жизнь Григория, и, как это ни странно, узнавая это, я испытывал тогда чувство, похожее на разочарование.

Прикоснувшись к настоящему искусству, мы всегда надеемся на встречу с героями, созданными этим искусством. Если мы не встречаем этих героев в жизни, мы встречаемся с ними в своем сознании ежедневно.

Большой и удивительный талант Шолохова поистине жизнотворен. Со страниц его книг шагнул в мир герой, после рождения которого человечество увеличилось в ярках его представителях: Григорий Мелехов и Аксиныя, Пантелей Прокофьевич и Наталья, Бунчук и Дарья, Давыдов и Душа, дед Шукра и Нагулянов, Лопухин и Звягинцев, Ильичича и Андрей Соколов.

Но Шолохов создал не только людей, населивших мир. Он создал жаркое, плавящее донское солнце, тихие и розовые от зари казачьи курени, холодок утренней матовой росы, следы на мокрой траве от босых теплых ног, сырые, наполненные водой окопы, тонкий и сладкий запах ландыша, который улавливает Аксиныя, черный разрыв шрапнели над конной лавой, до слез потрясающую песню, которую слышит молодой Григорий, дежа, укрытый туполом, на поезде, чужинный гул танков, ползущих на окопы, сухие вынужденные выстрелы — он создал то окружение своих героев, свой пейзаж, ту неповторимую обстановку недавней действительности, которая называется жизнью, борьбой

ВЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ГЕНИИ русской национальной культуры Л. Н. Толстой был предан анафеме за то, что любил свой народ и служил ему со всей страстью огромной, мятущейся души своей.

Великий провозвестник революции А. М. Горький был отлучен от Академии наук за то, что говорил людям правду и служил ей всем своим огненным сердцем.

Тарас Шевченко был отдан в солдаты. Николай Чернышевский стоял у порога донского столба. Александр Герцен провел жизнь в изгнании, а Александр Пушкин и Михаил Лермонтов были убиты.

Такова была участь великих творцов русской культуры в самодержавной России.

Давно то было и уж былое поросло. И какое же счастье, что все это ушло в небытие и мы дышим теперь воздухом чистым и прозрачным, как степная кричица!

Вот деятели советской литературы только что были под сводами белого Кремлевского дворца и снова со словами любви и благодарности обращались к нашей родной партии и правительству за их сердечную, каждодневную заботу о больших и малых делах нашей культуры, за то, что они всегда и неизменно, среди миллионов дел, находят время поделиться с писателями думами страны, великими планами коммунизма. И право же, могучие крылья вырастают, когда мысленно представляешь себе, какой будет наша Родина после свершения дерзновенных планов!

И вот партия и государство в лице Н. С. Хрущева снова среди народа, снова среди писателей, среди тружеников полей и заводов. И снова идет задушевная беседа о том, как сделать жизнь еще прекраснее. Люди, их судьбы сегодняшние и грядущие — главная забота нашей родной Коммунистической партии!

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ

★ Дневник писателя: Сергей Баруздин,

Юрий Бондарев, Мехти Гусейн,

Михаил Соколов.

★ А. Крестинский. Славка из племени «трудных».

★ Я. Эльсберг. Полемика.

★ Леонид Лиходеев. Решение № 88.

Фельетон.

★ Вадим Сикорский. Новые стихи.

★ Писатель и жизнь. Оружия

любимейшего род.

★ Сурен Агабабян. Путь, которым идет

романист...

★ Владимир Беляев. Граф вспоминает

минувшие дни...

★ Изабелла Блюм. Есть ли у Европы

враги?

3 сентября Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян посетили Американскую национальную выставку в Москве. На снимке: Н. С. Хрущев и А. И. Микоян среди посетителей выставки.

Фото М. ТРАХМАНА

О Р У Ж И Я ЛЮБИМЕЙШЕГО РОДА

Валентин Овечкин

О ЧЕМ бы мы ни заговорили с Валентином Владимировичем Овечкиным, разговор, в конце концов, обязательно коснется нашей колхозной деревни. С проблемами ее развития, духовного роста советского крестьянства неразрывно связано все творчество писателя.

Современной колхозной деревне, ее людям посвящена и последняя работа Валентина Овечкина — пьеса «Навстречу ветру». Эта пьеса, имеющая и свои достоинства, и свои недостатки, на первых порах не во всем правильно была понята и оценена некоторыми нашими критиками. В частности, несправедливо резкую оценку получила она в статье критика В. Дорофеева на страницах «Литературной газеты». В Овечкине много работ над специфическим вариантом драмы, и сейчас пьеса с успехом идет в Курском драматическом театре.

Валентина Владимировича редко можно застать в кабинете. Он постоянно в разъездах. Среди близких друзей писателя можно встретить председателя колхоза и агронома, тракториста и комбайнера, животновода и меллоратора, директора школы и секретаря райкома. Квартира Овечкина нередко превращается в своеобразное место для колхозного собрания, где выступающие не придерживаются регламента.

Среди знакомых писателя в Курской области можно встретить многочисленных прототипов его героев. Большинство из них живет в Львовском районе, там, где вскоре после окончания Отечественной войны почти пять лет жил сам Овечкин и где он написал первые очерки из цикла «Районные будни».

Не могу я согласиться с категорическими утверждениями некоторых литературоведов и критиков, — замечает В. Овечкин, — что очерк якобы вымысла не допускает... Я уже говорил в 1955 году на Всесоюзном совещании литераторов, пишущих на колхозные темы, что есть такой очерк, где все строго документально: конкретные лица, колхозы, заводы, стройки, события; такой очерк имеет главным образом познавательное значение. Но есть еще и другой вид очерка, а бы сказал, — очерк-исследование, где ведется большой разговор с читателями в художественной форме по поводу каких-то явлений жизни. В таком очерке фактическая точность — лишь в самом существе описываемого явления. А во всем остальном руки автора так же развязаны, как и в любом другом жанре. Можно вводить в действие вымышленные персонажи, можно прибегать к домислу, к обобщениям. Пожалуй, ни в одном другом жанре нет такого простора для обобщения, как в очерке-исследовании.

Если сравнить нашу литературу с армией, ведущей наступление на идеологическом фронте борьбы за коммунизм, то очерк представляется мне как бы небольшим подвижным разведывательным отрядом, вырванным далеко вперед... Я никогда не хочу принизить значение романа, этого фундаментального, основного жанра во всякой литературе. Но ведь романы, как мы знаем, пишутся иногда пятилетиями и даже десятилетиями. А время у нас сейчас такое бурное, все так быстро растет, изменяется! Сколько на наших глазах возникает новых процессов, в которые надо вмешиваться средствами художественного слова! И тут, кроме романа, необходимы и другие, более легкие, более оперативные виды литературного «оружия».

Иногда мы берем тот или иной острый, злободневный вопрос для того,

чтобы «вставить» его в какую-то большую вещь, которая будет написана, может быть, через пять лет. А между тем нужно именно сегодня выступить специально по одному атому вопросу с деловой статьёй. В романе или повести можно иной раз «заблестризовать» острые мысли так, что они потеряют если не всю, то половину остроты, будут восприниматься как интересное чтение, а не как постановочные вопросы для практических решений. Значит, ничего не остается, как, оторвавшись на день-два от наших «больших полей», взять да и написать иной раз обыкновенную статью.

Надо нам, — говорит писатель, — обращаться к самым насущным вопросам сегодняшней жизни, не страшась остроты и сложности затрагиваемых проблем... Если робеешь, — лучше не берись. Если заранее опасаться: ах, трудно будет это печатать! — не пиши совсем, не мучайся и тему не мучай. Робость непременно где-то скажется в твоих писаниях, критика перейдет в нудное борможание, и действительно эту вещь трудно будет потом печатать. Но если уж поднимаешь острые вопросы, то, предвидя всякие возражения и разногласия, договаривай все до конца. Есть у нас одна единственная правда — правда нашей партии, правда нашего огромного общесоюзного дела. Поэтому надо, чтобы никакой запоздалый не мог вложить иное толкование, иной смысл в написанное тобой. Острота темы требует прежде всего ясности ее изложения. И, само собою разумеется, правильное анализа и синтеза.

Овечкин — активный собеседник. С ним можно говорить часами по самым различным вопросам. Правда, «свободных часов» у него почти никогда не бывает. Он — член областного комитета партии, депутат областного Совета, член областного Комитета защиты мира, член правления Союза писателей СССР и РСФСР, член редколлегии альманаха «Простор» и журнала «Новый мир».

Много времени Валентин Владимирович отдает переписке со своими многочисленными корреспондентами. Письма с адресом «Курск — Овечкину» поступают почти ежедневно из самых различных мест. Особенно подробно отвечает писатель на различные запросы начинающих литераторов.

— Кого Вы считаете талантливым из молодых? — В наше время молодыми почему-то считают тридцатилетних, а то и сорокалетних, нередко забывая, что Лермонтов жил всего двадцать семь лет... У нас много талантливых литераторов, но из прозаиков, пишущих о деревне, мне хочется прежде всего назвать москвича В. Тендрякова, сибиряка Л. Иванова, ростовчанина А. Калинин, ленинградца М. Жестева. Я, конечно, каждый из них не так уж молод. Хочется, чтобы за колхозную тему поактивнее брались двадцати—двадцатипятилетние одаренные поэты и прозаики. Кому, как не им, молодым и здоровым, пахать целинные и залежные земли нашей колхозной литературы?!

Когда у нас появляется книга, где действуют не люди, а бледные безличные тени, то виновата не жизнь наша, в которой страсти повывелись, шекспировские якости. Виноваты художеские самого автора, его собственный холодный темперамент.

На Третьем писательском съезде много и правильно говорилось о мастерстве, о разнообразии жанров. Но жалко, что мало было сказано о сатире. Сатирики должны быть возбудителями обществен-

ного гнева против обывателей и шкурников. Средствами своего особь действительного жанра они должны помочь созданию такого настроения в обществе, чтобы уклонение от работы на переднем крае нашего строительства стало таким же позором, как дезертирство в поля боя.

Овечкин говорит спокойно, сдержанно, свои убеждения не навязывает, но отстаивает их с упорством.

— В отличие от некоторых наших «теоретиков» литературы, я всегда был убежден в том, что все в нашей жизни может автором обобщаться и типизироваться. В том числе и плохое следует типизировать, чтобы легче было распознать то или иное явление, добраться до его корней. Но некоторые авторы типизацию отрицательных явлений подменяют собирательством, коллекционированием всякой дряни, которая попадает им на глаза в нашей жизни. И вот иной раз такие триптихи содержат своей сумки вываливать в книги и выдают все это за «справду»... Объемное, перспективное видение и понимание жизни, при котором плохое не заслоняет хорошего, а хорошо не мешает трезво оценивать вред от плохого, приходит к писателю опять же в результате большого знания жизни. Литература — это не цехотание яток отдыхающим после сытного обеда. Литература — это вмешательство в жизнь. Это рычаг, поднимающий жизнь вперед. К сожалению, мы не всегда пользуемся этим «рычагом» умело и эффективно.

— А что Вы пишете сейчас? — Пишу неотложные статьи, работаю над пьесой о связи творческой интеллигенции с жизнью народа, думаю о новой вещи... — Что это будет — очерк, повесть, роман? — Сейчас еще трудно определить жанр... Но всю жизнь я пишу о деревне, и сейчас уже поздно изменять любимой теме.

Овечкин надолго задумывается, потом вполголоса продолжает: — Вы, конечно, не думайте, что я выдам за год «на-гора» роман, и пьесу, и поэму... Чужд в моей творческой биографии не было. Рос медленно, постепенно, трудно...

Какую книгу положит Овечкин на стол завтра, трудно сказать. Может быть, это будет сборник статей, может быть, — очерки. Или повесть. Или рассказы. С уверенностью можно предсказать, пожалуй, только одно — книга будет волновать души людей, потому что ее автор живет думами народа.

М. ЛАПШИН

Куба поэт

НОВЫЕ, только что родившиеся песни привезли нам наши дорогие гости с солнечного острова Кубы.

ЭСТРАДА

Весь ансамбль поет «Гимн революции». «Да здравствует Куба» — песни, созданные в июле этого года, в те дни, когда была провозглашена свободная и независимая Кубинская Республика. Искусство — живейшее отражение жизни народной, и по тому, что исполнял коллектив, выступавший в Вене на Международном фестивале молодежи, и исполняет сейчас в Москве, нетрудно себе представить душевный подъем, радость и ликование, переполняющие сердца счастливых островитян, новый поворот и в искусстве народа.

Самое знаменательное в концерте кубинских актеров — это стремление к наибольшей простоте представления современного народного творчества, не удивить экзотикой, а дать прозвучать голосам трудовых людей, чтобы песня была и танец-представление рассказчика об их думах и чувствах. Поэтому так четко слышатся советские зрители «Кубинскую сонату» и песню рабочих с необъятных сахарных плантаций, и чашушки, просящие прощения у природы, солнце и девушек Кубы, и песню возницы, которые так проникновенно исполняет Кармелино Барберис в сопровождении трио.

«Песню уличного продавца сахара» поет превосходный мастер своего дела Рафаэль Акино, а слаженный многоголосый, стройный вокальный ансамбль под руководством Мило Родригес как бы разгуливает — живо и непосредственно — песни: «Сестель манса» и «Негритянскую колыбельную».

Почему же так захватывают эти песни нас, не знающих языка, мало знакомых со своеобразной манерой исполнения кубинских актеров? Прежде всего увлекает темперамент, страстная одержимость каждого певца, которого как бы всецело и безраздельно захватывает песня, ее самоотверженный ритм, ее мелодию, ее глубокий человеческий смысл. В зависимости от характера и жанра в одних песнях взрывают тамбурины, захлебывается рожь, поют и пляшут цыганки, другие же полны грусти опалюющей и страстной.

Пусть спорят ученые музыковеды об истоках кубинской музыки, ищут в испанских болеро и серенадах мотивы маританские, в румбах Кубы, в ее песнях и танцах следы негритянских, то ритуальных напевов индейцев — аборигенов острова. Мне, рядовому зрителю и слушателю, кажется, что влияние многих чудесных традиций разных народов как в области мелоса, так и в хореографическом мастерстве образовало неповторимый сплав, — яркое и многообразное кубинское искусство.

Меняня Мартинес училась в Ленинградском хореографическом училище и недавно вернулась на Кубу. Она исполняет «старинную хабанеру» Гуайта. И вот этот танец пылкого и страстного объяснения в любви обрел пластичность, изящество, тонкость и законченность. Негритянский ритуальный обряд «Чагго» и праздничный негритянский танец — опять-таки соеди-

нение танца-импровизации с мастерски поставленными танцевальными, — полны своеобразного очарования. С одинаковым блеском танцует Соня Галеро «Кубинскую румбу» и индийский «Танец богини Очун», проявив глубокое проникновение в стиль, а стало быть, и в дух разных народов, живущих под одним небом. А в кубинском танце «Конаг» Элена Алонсо как бы объединяет все наиболее яркие и своеобразные движения и фигуры, которые созданы здесь на юге.

А когда национальный ансамбль «Америка» исполняет кубинские народные песни и танцы, все приходит в движение: их ритмы настолько остры и зажигательны, что, танцуя, поют солисты, приплясывая скрипка и контрабасист вокруг своего огромного инструмента, и даже пианист стол пляшет у рояля. Новый, недавно созданный танцевальный ритм «Ча-ча-ча» весел, звонок, ироничен. Мерседес Касас и ее партнер — Орландо дель Валье и Хоакин Кастельянос — танцуют «Ча-ча-ча» стремительно, изящно, темпераментно и благородно-галантно. Недаром на их долю выпал самый большой успех.

Вот как много чудесных и неведомых нам прежде сокровищ привез небольшой коллектив кубинских актеров. И, может быть, самое яркое впечатление в том и состоит, что это именно коллектив, дружески объединивший представителей разных рас и народов для того, чтобы показать нам, как мощно и страстно звучат в их исполнении песни новой жизни, нового искусства, гимн молодой революционной Кубы.

В. СУХАРЕВИЧ

«Старинная хабанера» в исполнении кубинской артистки Меняня Мартинес, выпускницы Ленинградского хореографического училища. Фото К. Андреева

Новый куба

Вадим СИКОРСКИЙ

УТРО

Сегодня мир прозрачный весь, свозной, весь вымат родниковой синевой. Не вернется, что он чадил войной. Что порох выжог небо над Москвою. Века дымятся в сумрачной дали. Но люди жаждут красоты и дни... Казались, это утро пронесло, как воду ключевую, сквозя пустыни.

МАТЬ

Последним — нет, не ей со мной делиться, она мне все отдаст, меня храня. Уйду — готова в носок превратиться, чтобы в пути поддержать меня. Она всю правду про меня постигла, и, слабый, я ей все же не постыл. Она мне, любящая, все простила... Все даже сам себе я не простил.

НЕ ВИДЕВШИМ БУРЬ

В тридцатиградусный мороз им холодно, а мне смешно — я помню шестьдесят. Когда есть хлеб, а жаждутся: «Голодно!», — смешно. Я видел, как ремеш едят. О вы, незгодники не раз ученые, я верю, вы выдали виды, но не дай вам бог увидеть в жизни черное, которое действительно черно!

МОРЕ

В сравнении с ним любой корабль огромный — ничто. Все море поглотить дано. И над любую вспышку атомной в конце концов выскочит оно. Я не несомнен. Но такой любовью любовью был в погоню и жизни всей, что все обаял бескрайнею душою. И даже море потонуло в ней.

Творческая

Путь, которым идет романист...

Сурен АГАБАБЯН

ХОЧУ вспомнить путь тысячу раз сказанную, но все же не многих случаях трудно достижимую истину: прежде чем взять перо в руки, художник обязан винкнуть во все видимые и невидимые тайны своего дела, овладеть спецификой избранного жанра. С этой мыслью я обращаюсь к некоторым проблемам современного романа, рассмотрению которых была отчасти посвящена интересная статья Мехти Гусейна в «Литературной газете».

Законы и принципы жанра — это, конечно, не законы, они не абсолютны; исторически возникнув и исторически развиваясь, роман изменяется, идет внутренняя перестройка его «традиционных» форм. Новое большое общественное содержание приводит к рождению советского романа-эпопеи. Настало время осмыслить новый этап истории романа. Об этом начинают думать литераторы, пишут критики (см., например, статью Ю. Константинова в «Октябре»), спорят писатели — К. Муранди хочет, скажем, кое в чем дополнить статью Г. Гулина в «Литературной газете» — и дополняет требованием обязательной «многоязычности».

Но как бы ни шла внутренняя процесс развития, роман остается романом: задача его все та же — через повествование о характерах дать историю развития общества, в богатом дебюте выявить многообразные драматические конфликты современности. Я думаю, что формулировка, данная роману Стендалем, — «зеркало, пронесимое по большой дороге», — и сегодня сохраняет убедительность. Но Стендаль говорил ведь не вообще о дороге с множеством ошибочных, извилистых путей, а о большой дороге, как у нас говорят, матерью дороге.

РОМАН похож на путника, который не уклоняется от своего направления, не бросается и в другую сторону, не увлекается попутными, может быть, и достойными внимания, интересными событиями, людьми, рассказами, пейзажами...

Послушаем нашего современника. Алексей Толстой, говоря о композиции романа, писал: «Иногда бывает интересная какая-нибудь фигура и, казалось бы, неплохо ей посвятить главу. Но тут необходимо себя одергивать, удерживать. Чувство художника не должно позволять ему, как бы ни была замечательно интересна глава, это делать. Надо себя сдерживать, иначе вырастет гигантский нарост, хотя и добротный, но все же нарост. Здесь писателю подкашивает чутье художника, чувство меры, чувство композиции».

Именно чувства меры, композиции, пропорции не хватает многим современным романистам, многим романам. Г. Гулина в статье «Личное мнение» пишет: «Двадцатый век наложил особый отпечаток на литературу». Теоретически абсолютно правильная мысль конкретизируется: «Скажется, внутренним динамиком слова и фразы, а следовательно, и целой картины — характерная черта современной литературы и, я уверен, застрявшей». Г. Гулина перечисляет знакомые имена: Хемингуэй, Сароян, Бель, Моравиа, Лакснес. Казалось бы, все верно. Но в чем же

нельзя согласиться с Г. Гулиной? Возвода в абсолютную норму краткости, динамику слова (меняется лицо и ритм прозы), он предлагает забвению самую задачу, которую ставят перед собой все эти авторы, не говоря уже о многих советских художниках. Эта задача — изобразить психологию человека XX века. Тот же Моравиа, который очень скуп в «Римских новеллах», довольно подробно в романе «Чочара»; еще более обстоятелен в своих романах Халлдор Лакснес... Вот почему, на мой взгляд, вовсе не многообразие первоисточников всех долов «Войны и мир», «Тихий Дон», фундаментальные романы, по разне их можно упрекнуть в многословии...

В чем же причины появления объемистых романов, для чтения которых необходимо возмущаться булавками и «Начинаем читать?» Я думаю, что одну из них можно сформулировать так: в сером многословии ведет неверно понаимася многоязычность романа. Немного статистики. Госиздат Армении за последние десять лет издал более ста пространных книг, обозначенных как «романы». Недостаток большинства авторов — работа не вглубь, а вширь. В этих многостраничных фолантах исчезло подлинное содержание романа — драматические конфликты и раскрытие психологии человека современной эпохи.

Если задача романа — изображение какого-либо, пусть самого обычного случая, то роман должен ознакомить читателя с целой жизнью, точнее говоря, с целостностью жизни. Но у романистов часто вместо большого содержания и большого полотна получается большой очерк, материал растягивается искусственно. У некоторых молодых писателей (и не только молодых) получается, что роман — это количественное накопление эпизодов, связанных с темой. Рецепт прост: складывай один за другим слитые вместе рассказы, представь большую группу героев, имеющих национальную, социальную и профессиональную связь, вводи их в различные положения — и получишь желанный роман.

Много лет назад Ам. Сирас написал повесть «Спросите их». Прошли годы, он «переработал» ее и в 1956 году издал роман под названием «Наканиуне». Что дала эта переработка? Произведение несколько улучшилось, язык стал гладким, некоторые образы обрели более живые черты, сюжет внешне стал «драматичнее», объем увеличился. Но как в дни своей литературной молодости, так и теперь Сирас ходит-бродит за жизненными фактами и вводит их в книгу. Стремясь показать канун революционной эпохи в Закавказье, писатель не нашел конкретной романтической концепции и стал метаться среди обилия необработанных жизненного материала.

Другой пример: Рафаэль Атаян недавно выступил с романом «Пробуждение», посвященным деятельности революционной молодежной организации «Спартак» в годы установления Советской власти в Армении. Но, не

владеа компасом, «центром зрения художника», как говорил Ал. Толстой, Атаян не сумел четко выделить характерного героя, вокруг которого сосредоточивается действие. Увеличился фактический материал исторических событий, но остался в плену действительных случаев и занялся фиксацией маловажных явлений, так сказать, «технизмом» истории. В этом романе, как и во всех произведенных, не имеющих ясной идейно-художественной концепции, сырые факты без их художественного осмысления привело к протокольной остроте. Это незавершенное строение, а не роман.

Увлечение объемом, связанное с непониманием специфики жанра, присутствует не только армянским романистам. Вот роман молодого русского писателя Николая Шундина «Родник у берегов». Здесь есть психологические тонкости и прекрасно нарисованные пейзажи тайги. Оригинальна, на мой взгляд, лирическая струя сказа. В «Роднике у берегов» вызывает интерес и развитие сюжета, интересные и образы, каждый отдельно взятый. Но в общем построение, которое должно художественно выразить главную концепцию книги, здесь тот же самый порок: история Клеона растягивается от начала до конца не вглубь, а вширь. Писатель хочет всецело «увязать» ее с множеством других событий, ситуаций, характеров, не останавливаясь в этом желании перед включением в книгу несущественных, часто авантюрных происшествий. Видимо, автор почувствовал явную недостаточность данного сюжета (история Клеона) для выражения лейтмотива романа (родник у берегов — символ чистоты народных основ жизни) и стал расширять и расширять охват материала. И «запасной» широта разрушила цельность романа. Множество посторонних тем, которые в какой-то степени, может быть, и оживляют произведение разнообразием, оказались затронутыми поверхностно.

«Даже для того, чтобы сорвать цветок, писатель не должен уклоняться со своего пути», — не помню точно, кто это впервые сказал, но сказано очень хорошо. Говоря об ограничении материала, мы имеем в виду не вообще уменьшение широты романа, не «количественное» его сужение, а такое построение произведения, при котором эта широта формы будет соответствовать концепции автора, а роман будет живым телом...

Принципы построения романа могут быть различными, — это зависит от индивидуального подхода писателя, но обязательно, чтобы композиция была жизненной, была максимальным выражением истины, которую преследует автор. Писатель — строитель, он проектирует своего героя, его руководителем и одновременно — каменотес, складывающий стены. От создания проекта вплоть до его воплощения автор — главное лицо; он выбирает героев, психологические тонкости и детали быта. При строительстве здания он не должен позволять себе увлечься извилистыми. Не секрет, что под видом реализма

в нашу литературу проникли микробы опасной болезни — натуралистического копирования жизни. Некоторые писатели с фотоаппаратом в руках кружат по разным дорогам и пассивно фотографируют предметы, людей — все, что видят. Однако настоящий художник тот, кто изображение строит в соответствии со своей идеей. Тогда перед нами — творение, раскрывающее жизнь в ее внутренней сущности.

МЫ ГОВОРИМ о навыве романиста как об умении исследовать корни фактов, проследить их внутреннюю связь. Композиционная ясность, безусловная, не означает односторонности в отражении жизни, схематизма, изображения явлений в виде хронологической цепи случаев. Роман потому и роман, что он должен обладать многоязычием сюжетных линий, при котором автор имеет возможность «свободных движений». Однако этой свободой действий наши романисты злоупотребляют, они вводят в изобилии публицистику, лирику, рассказы, далекие от основного содержания... Все эти разнородные элементы, несомненно, наносят удар художественности романа. Понятно, что мы имеем в виду самоцельную лирику, бескровную публицистику как явления, не вытекающие из единства стиля романа. Кто может опаривать лирику в поэме Гоголя «Мертвые души», историком Л. Толстого в «Войне и мире»? А самая жестокая сатира в армянской литературе — роман Е. Чаренца «Страна Наири», сплетение жгучего гнева и лирической грусти, «безразличных» забав и горестной боли? Но здесь авторские «отступления» не остаются вне общего колорита произведений, не опущаются как инородное тело.

Наше литературоведение недостаточно занимается спецификой современного романа, а следя тем от ясности теоретических положений во многом завысит его дальнейшее развитие.

УКРАИНА ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕИ Ю. СЛОВАЦКОГО

К 150-летию со дня рождения великого польского поэта-революционера Юлиуша Словацкого Государственное издательство художественной литературы УССР выпустило двухтомник его избранных произведений на украинском языке.

Широко отмечается 150-летие Ю. Словацкого на его родине — в древнем городе Кременце, Тернопольской области. Здесь, в здании городского Дома культуры, 5 сентября откроется юбилейная научная сессия, организованная Украинским комитетом славистов, Киевским институтом литературы имени Т. Г. Шевченко, Львовским институтом общественных наук Академии наук УССР и Кременецким педагогическим институтом. На сессии выступят с докладами и сообщениями академики М. Рыльский, профессор Е. Савриничов (Польша), кандидаты филологических наук Б. Стахев (Москва), К. Довенко (Вильнюс), В. Гаповая (Минск) и другие.

КНЕВ (Наш корр.)

РЕПЛИКИ

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

На Востоке говорят: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать». Эту поговорку употребляют, когда хотят сказать и о приятном, и о неприятном. В данном случае мы вынуждены уши, употребить ее в последнем смысле... Журнал «Шарк юлдузи» («Звезда Востока») — орган Союза писателей Узбекистана — давно вызывает недовольство читателей и литераторов. В апреле республиканский журнал «Партия турмуши» («Партийная жизнь») выступил со специальной статьей о недостатках «Шарк юлдузи». Отрыв от действительности, отсутствие интересных очерков о героях семилетки, неумение привлечь наиболее опытных и авторитетных критиков — таковы те

серьезные упреки, которые адресовались редакции.

Берем последний из прошедших в Москву номеров журнала: октябрьский выпуск после выступления «Партия турмуши» — срок достаточный, чтобы убедиться в деле.

Читаем очерки под рубрикой «Передовики семилетки» и... разочаровываемся: очерки не интересны, однообразны. Особенно печально впечатление оставляет очерк Х. Салаха «Сварщик». Он занимает две странички, но на этой «площади» упомянуто около десяти персонажей.

Упомянуто — но не больше! Х. Салах обнаружил не только художественную беспомощность, но и техническую безграмотность. Чего стоит следующее: «Личное отступление» — «Сварщик! Может

быть, эта специальность покажется многим интересной затеей... но не попробуй человек, не знающий секретов этой специальности, притронуться к трансформатору. Он тут же погибнет». Кое-что из помещенного вообще вызывает недоумение. Скажем, давно известен хороший роман П. Абрахама «Тропюло грома». Чем же вызвано столь запоздалое его опубликование в узбекском журнале? Отсутствием «своей» прозы? Нет, узбекская проза развивается успешно. Отсутствием произведений для перевода? Еще нелепее... Главный редактор «Шарк юлдузи» неоднократно давал обещание серьезно улучшить журнал. Но правильно говорить: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать».

Театральный сезон открыт

ОТКРЫТИЕ сезона. Эти два таких знакомых и всегда волнующих слова можно прочесть сейчас на десятках, если не сотнях, театральных афиш.

Начинается новый сезон, и любителям театра, конечно, не терпится узнать, о чем же прежде всего хотят рассказать нам мастера сцены. О людях семилетки. Такой ответ вы услышите в любом из драматических театров, где сейчас зажглись огни рампы. Современная тема все увереннее и прочнее занимает ведущее место в репертуаре крупнейших театров страны. Из всех премьер театров РСФСР в прошедшем сезоне три четверти пьес принадлежали перу советских драматургов. А сейчас? Возьмем творческие планы таких крупнейших коллективов страны, как Малый, Художественный, имени Вахтангова, имени Маяковского, имени Моссовета. Малый театр работает над пьесой молодого драматурга В. Блинова «Земля», в филиале театра вскоре состоится премьера пьесы, написанной студентами Щепинского училища А. Вейцлером и А. Мингариним «Песня о ветре». А. Софронов, три пьесы старшего уже были показаны на сцене которого русского театра, вскоре познакомят коллектив со своим новым произведением «Железная земля».

Художественный театр с увлечением работает над инсценированными романами «Витва в пути» Г. Николаевой и «После свадьбы» Д. Гранина. Коллектив идет новую пьесу Николая Погодина, с которым театр связывает давнюю творческую дружбу. В репертуар МХАТа включена пьеса алма-тинского драматурга Н. Анова «Наследники».

Этот год обещает быть интересным и в Театре имени Вахтангова. Новый сезон коллектив открывает премьерой комедии А. Софронова «Странуха». Впереди работа над «Двенадцатым часом» А. Арбузова, «Русским лесом» по роману Л. Леонова, пьесой «Жизнь», которую написал главный режиссер театра Р. Симонов.

В последние годы особенно успешно работают над современной темой театры имени Маяковского и имени Моссовета. В Театре имени Маяковского сейчас в полном разгаре репетиции комедии А. Штейна «Весенние скринки». Вскоре коллективу предстоит еще одна встреча с А. Штейном, пишущим сейчас пьесу «Между линиями». Закачивается для театра пьеса «Дело было на Алтае» М. Соболев. В Театре имени Моссовета будут показаны пьесы Н. Вирты «Летом небо высокое» и А. Софронова — «Миллион за улыбку».

В Соединенных Штатах Америки с радостью встречена весть о предстоящем обмене визитами между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром. Эту фотографию, изображающую президента Эйзенхауэра в окружении американцев, поместила швейцарская газета «Швейцарер иллюстрирте цейтунг». В подлинки к снимку журнал заявляет: «Сенсационное решение Эйзенхауэра пригласить в США Хрущева было одобрено большинством».

ЕСТЬ ЛИ У ЕВРОПЫ ВРАГИ?

ПРЕЖДЕ чем говорить о Европе, необходимо уловить ее пределах. В самом деле, сейчас за этим названием кроется столько понятий, что нетрудно и запутаться. Есть «малая Европа» — 6 государств, «Большая Европа» — 15 или 17 стран, Европа «Европейского объединения угля и стали», «общего европейского рынка», «зеленого поля» и «белого поля». Европа, о которой я собираюсь сегодня говорить, представляет собой континент, протянувшийся от Урала до Атлантического океана и от Северного Ледовитого океана до Средиземного моря. Эту простую географическую истину нужно повторять вновь и вновь.

Как-то я посетил выставку, посвященную 10-летию НАТО. Громкоговоритель непрерывно выкрикивал лозунги, в которых повторялось на все лады: «Европа», «НАТО», «10 лет свободы»... Эта свобода, говорят апологеты НАТО, была сохранена ценой больших усилий. Они уверяют, будто кто-то угрожал этой свободе и будто ее нужно было защищать. Неплохое средство для выкачивания у людей денег на гонку вооружений!

На этой выставке НАТО не было и

Изабелла БЛЮМ,
лауреат международной
Ленинской премии мира

намка на оружие, на установки для запуска ракет, на военные базы, то есть на то, что является основой НАТО в Европе. Однако достаточно жить в этой Европе, чтобы знать, как и для чего она вооружается. И тут встает вопрос: могут ли считаться нашими друзьями те, кто разделил наш континент на две враждебные части? Можем ли мы благодарить тех, кто возродил в сердце Европы величайшую опасность — германский милитаризм? Отныне — наши границы немецкие солдаты, моряки, летчики тренируются под началом руководителей, командовавших ими во время второй мировой войны. Нацистские песни и лозунги звучат так громко, что их начинают слышать даже у нас. Тем, кто отработал Европу — всю Европу — и убил миллионы людей, дали в руки самое современное оружие. Более того, в моей стране — Бельгии объявлено, что на ее территории будут построены склады немецкого оружия и расквартированы немецкие солдаты.

Настоящие враги Европы — это, несомненно, те, кто сперва разделил ее, а затем превратил это разделение в постоянную угрозу войны.

Это их преступление против европейской безопасности. Но они совершают преступление и перед европейской культурой. Я вновь вернусь к выставке НАТО. Там на стендах каждой страны были выставлены произведения национального искусства. Но отобранные были так, чтобы создать впечатление, будто искусство в странах НАТО развивалось само по себе, без всякой связи с другими странами.

Как не почувствовать всю бедность сегодняшнего дня по сравнению с универсальностью образования во времена нашей молодости? Куда исчезла литература России, величественные поэмы стран Азии? Неужели мы забыли, чем наша музыкальная культура обязана фольклору и музыке Востока? Разве не преступлением против европейской цивилизации является тот факт, что нас заставляют игнорировать культуру других народов?

Враги безопасности Европы, враги ее культуры в то же время наносят серьезные, непоправимый вред ее экономике.

Против защитники «малой Европы» утверждают, что, ссорясь с остальной Европой, они создают у себя цветущий экономический организм.

Живность этих обещаний выявляется очень скоро. Сегодня в этих странах безработица растет, а производство сокращается, в некоторых районах и отраслях промышленности наступил кризис. Есть лишь одно средство не лишить население работы и хлеба: вновь рассмотреть Европу, в том числе восточноевропейские страны, как единое це-

лое. Надо восстановить традиционные экономические связи между странами Запада и Востока и таким образом спасти Европу.

Но, разумеется, те, кто толкает «малую Европу» на гибель, не хотят и слышать об этом. Сторонники НАТО уже больше не говорят о миллионах европейцев, они постоянно твердят о «населении в 450 миллионов», ибо сюда включают Америку и Канаду. Народы заманивают призраком рынка, которого на деле не существует, так как объединенные Штаты ввозят к нам в полтора раза больше того, что мы ввозим к ним. Поэтому США никак не споспешуют нашей торговле.

И то же самое мы видим, когда интересуемся проблемами упрочения мира, культурных и экономических отношений — врагами Европы являются те, кто разделил ее, кто возбудил одну страну против другой и кто пытался убедить людей в том, что цивилизация невысказима без вооружения.

Ныне они разместили в центре Европы ядерное оружие, так что война, если бы она разразилась, неизбежно стала бы атомной войной, то есть самоубийством. На протесты народов против размещения атомного оружия подлинными врагами Европы отвечают усиленным вооружением. Они расточают угрозы и проводят «демонстрации силы». И не выполняют международных соглашений в области культуры, хотя и не решаются совсем отказаться от их заключения.

Так кого же считать врагами Европы: тех, кто борется за мирное существование от Урала до Атлантики, или тех, кто продолжает разделять, разрушать, проводить империалистическую политику в разных частях света, выступая с библией в одной руке и мечом в другой, провозглашая себя защитниками христианской цивилизации? Ответ мой ясен, и история уже начала свой суд.

Враги Европы причинили ей столько зла, что даже те, кто вначале защищал их, начинают сомневаться в своей правоте. Против врагов Европы, настоящих ее врагов, должны объединиться все друзья Европы. Только тогда удастся привести к успеху переговоры руководителей великих держав.

Поскольку самой серьезной европейской проблемой является германский вопрос, необходимо прислушаться к голосу немцев, которые не хотят вооружения, которые борются против навязываемого им атомного оружия, которые начинают в один голос говорить о демилитаризованной и безатомной зоне в центре Европы и не хотят ставить решение этих вопросов в зависимость от требований Аденгауэра.

Короче говоря: враги Европы — это те люди и правительства, которые хотят сохранить ее разделенной, вооруженной, снабженной атомным оружием, усевленной иностранными военными базами, не способной разрешить экономические проблемы.

Чтобы обнаружить их, достаточно слушать радио или читать газеты...

«Холодную войну» больше пережить нельзя — говорят американские писатели

— Что вы можете сказать о предстоящих визитах Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Америку и президента США Д. Эйзенхауэра в Советский Союз? — с таким вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к гостившим в Москве американским писателям и критикам. Вот их ответы:

Альфред Кей-зайн: Как американец я восторге от предстоящего обмена визитами между главами Советского и Американского правительств и надеюсь, что это приведет к длительному миру и дружбе между нашими народами.

Эдуард Уикс: Перспективы визита мистера Хрущева в Америку возбудили по поводу в мире надежды на лучшее. Надеюсь, что этот визит принесет с собою долгожданную возможность прямого обмена мыслями не только между главами правительств, но и между нашими народами, что этот визит раздorzит международную атмосферу, отягченную «холодной войной», которую так трудно было пережить.

Артур Шен-ангер: Я всегда высказывался в поддержку дискуссии между двумя народами — на любом уровне. Я думаю, было бы ошибочно ожидать, что все трудные проблемы международной жизни будут решены сразу, на первой же встрече. Но откровенная и искренняя дискуссия и честное признание взаимных противоречий, лежащих в основе всех сложностей современного мира, — единственное условие, при котором мы можем обрести прочный мир.

Рисунки М. Брендана

Граф вспоминает минувшие дни...

Я НЕ ИМЕЮ чести быть лично знакомым с его сиятельством графом Альфредом Поточким, но тем не менее знаю его давно. Больше того, лет двадцать назад я допустил беспечность по отношению к его светлости.

Вместе с бригадой ленинградских писателей, которую возглавлял Михаил Чумандрин, мы приехали в Белосток, из которого за несколько дней до того, не успев окончательно разграбить город, убрался гитлеровский войска.

Мы непосредственно соприкоснулись с большой трагедией польского народа. Мы встречали сотни беженцев из центральных районов Польши — врачей и ремесленников, музыкантов и педагогов, инженеров и рабочих. Натянутые лыжные долговечные ботинки, забросив за плечи рюкзаки с последним скарбом, шли они на восток, чтобы спастись от гитлеровцев. Мы разговаривали с польскими женщинами, участвовавшими в недавних коротких сражениях с фашистами. В глазах у многих стояли слезы. Это были настоящие патриоты, которые не по их вине оказались лишены возможности в полной мере проявить свои воинские качества.

С кем бы из беженцев мы ни встречались, все они искренне ненавидели фашизм. Вместе с тем в рассказах этих очевидцев начала второй мировой войны сквозило нескрываемое презрение к польской аристократии, к клике «полковников» — оруженосцев Пилсудского и Рид-Смиглы, которые полностью скомпрометировали себя в те отчаянные дни народного горя.

Именно тогда, двадцать лет назад, в наши руки попала перевязанная розовой лентой папка писем с графской короной на конвертах. Это были письма, посланные накануне войны графом Альфредом Поточким открытку другому древнему аристократическому роду — князю Юрию Любомирскому.

Читать чужие письма не полагается, но в данном случае мы пренебрегли этим правилом, тем более, что было известно, и Поточкий, и Любомирский находятся в бегах, на немецкой стороне. Нам, представителям прессы, было интересно узнать, о чем думала, чем тревожилась, какими духовными проблемами интересовалась в эпоху предгрозя польская аристократия?

Удивительно странное ощущение оставила эта переписка! Письма были заполнены исключительно описаниями званых обедов, мелкими скандальными подробностями светской жизни, сообщениями о мезальяниях и обстоятельном старинном замке разбрав и вывез в себе в Америку из Испании американский «газетный король» Херст.

Ни малейших раздумий, ни капли заботы о судьбе нации, полное равнодушие ко всему тому, что угрожает стране!.. И только свое эгоистическое «я» — вот та пелка, от которой он тащется: «меня принимали», «мне нездоровилось», «меня поздравляли», «я сидел во время ленча с графиней такой-то», «Херст дважды пожал мне на прощание руку»...

Читатель может сказать: а чего иного, собственно говоря, ждать от этого графа? Так-то это так, но ведь люди, подобные Поточкому, и поныне, находясь в эмиграции на Британских островах и за океаном, считают себя элитой и совестью польской нации! Они всецело полагаются на надежду, что история повернется вспять, социализм разветвится, как дурной сон, и расквашенные польские рабочие и крестьяне призовут их править Польшей. Пока же сие произойдет, эти принцы голубой крови, знывая от скуки, мотальщины и плохого климата, сочиняют мемуары.

Издан в Лондоне мемуары и граф Альфред Поточкий. Жив курляка, оказывается! Мемуары граф назвал предисловием: «Хозяин Ланьцута». Издательство выпустило книгу на английском языке, но заказав автор избрал себе на обложку в костюме кавалера Мальтийского ордена в мемуарах папа Поточкого больше: сановной песни, безудержного самолюбования, абсолютного безразличия ко всему пережитому польским народом или предельно откровенного, ничем не прикрытого цинизма и восхваления предательства?

...Когда после сентября 1939 года гитлеровцы, разгромив польскую армию, готовились уже зажечь печи Майданека и Освенцима, Поточкого беспокойно одно обстоятельство: предприятия, находившиеся в ватине графа — Ланьцута, а особенно спиртовой завод, пребывали в состоянии застоя. А спирт был так нужен победителям!

Стремясь скорее наладить производство спирта, Поточкий в марте 1940 года выпрашивает аудиенцию у немецкого генерала фон Метца. Предлагает свои хозяйственные услуги и, между прочим, интересуется будущим Польши.

У генерала фон Метца графская наивность вызывает улыбку, и, помянув, он изрекает: — Вы, господин граф, станете немцем... И я надеюсь, что вам и дальше будет сопутствовать успех...

Уже возмущаясь в оккупированной Польше висельцы и ослепляющие колю-

Владимир БЕЛЯЕВ

чей проволок территории концлагерей. Но какое до этого дело исконному «польскому патриоту» из Ланьцута? Его влекут развлечения. Вместе со своей престарелой мамашей он отправляется в Вену. Не стоны соотечественников, а звуки вальсов волнуют графа.

Поточкий с восторгом ищет в мемуарах: «Визит в Вену был для меня долгожданной разрядкой. Я посетил в «Бристоль» и встретил много старых приятелей, среди которых были Лихтенштейн, Мендсдорф, Сейбель, Алфи Кларн, Алекс Гогенлоз и княгиня Шварценберг. Был на роскошном представлении «Кавалера роз» Рихарда Штрауса и встретился с композитором за чаем».

Незадолго до того, как граф Поточкий отправился развлекаться в Вену, наместник Гитлера в Польше генерал-губернатор Ганс Франк (тоже любитель мемуаров) записал в дневнике: «Польша надо оставить только те возможности обучения, которые покажут их безнадёжность их национального состояния»...

Но разве «аристократа духа» Альфреда Поточкого когда-нибудь отграла роль, уготованная победителями польскому народу?

Когда началось вторжение фашистского вермахта в Советский Союз, граф перекрестился и сказал: «Слава богу». С помощью генерала фон Метца он получил гитлеровскую штабную машину, проехавшись и поехал обследовать свои имения к востоку от Сана, конфискованные народом Западной Украины.

На автомобиле с гитлеровской свастикой «польский» граф Поточкий едет по улицам Львова, где еще так недавно, сразу же после захвата города, эсэсовцы без суда и следствия зверски расстреляли группу виднейших представителей интеллигенции. Среди расстрелянных были старейшина львовских медиков профессор Адам Соловй, профессор-стоматолог Антоний Цешинский, известный писатель профессор Тадеуш Бой-Желенский (именем которого теперь названа одна из улиц советского Львова) и многие другие.

Некоторых из них Альфред Поточкий знал лично, расстрелянные врачи пользовались графа и его домашней. Но граф с истинно аристократическим равнодушием отнесся и к этому чудовищному злодеянию, и к судьбам семей погибших. Его во время львовского вожака интересовали только дворцы и тысячи гектаров земель, которые надо отнять у неблагодарных холопов, задумавших организовать на них какие-то колхозы...

После визита в Львов Поточкий закатывает у себя в замке Ланьцут грандиозное празднество. Сорок три музыканта играют без перерыва мазурки, полонезы, менуэты и марши в честь его матери, которой 1 ноября 1941 года исполнилось восемьдесят лет. Столы заставлены винами всевозможных марок и украшены орхидеями, со стен свисают гирлянды белых хризантем... «Юрочка говорит, — шипит графиня, — я старалась удержаться в рамках военных возможностей и поддерживать на глазах оккупантов традиционный стиль польской жизни».

Графиня и ее отпрыск пьют за здоровье ошеломленных величием праздника представителей гитлеровского командования — восседающих на почетных местах генералов и полковников с немецкими орденами на мундирах. Хозяева Ланьцута пьют за здоровье убийц тысяч поляков...

Кого только не видели стены Ланьцутского замка в годы оккупации! Гитлеровские фельдмаршалы Браунчик и фон Рундштедт, генералы Кюффлер и Роткирх всегда были, по свидетельству автора мемуаров, желанными гостями в его владениях.

Вспомню, как дилетант этот пир во время чумы. Генерал фон Метц в конечном счете оказался плохим пороком. Советская Армия освобождает Дубно и Луцк и наступает на Львов, откуда ведет прямое шоссе к Ланьцуту. Вместе с польской Армией движется на запад, освобождая поруганную оккупанту, армия подлинных патриотов Польши — Первая польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. Страшно хозяину Ланьцута!

В январе 1944 года один из его гостей, фашистский генерал Альбрехт, доверительно сообщает Поточкому, что Ровно уже в руках Советов, и неплохо бы графу подумать о будущем. Граф мчится в Краков. Его охотно принимает губернатор фон Бургдорф и подполковник Гиммлер. Граф не хочет улетать, он хочет остаться в Польше. Разговор предельно откровенен: фон Бургдорф раскрывает графу тайну, которая несводима и многим немецким полковникам...

21 февраля 1944 года Поточкого внезапно вызывает к себе в Зальцбург безвестный Кальтенбруннер, заместитель Гиммлера. Если для любого польского интеллигента или рабочего такой вызов заранее означал верную смерть, то для Поточкого он выглядел как еще один визит. Кальтенбруннер предельно любезно принял графа и обещал поговорить с министром

иностранных дел Риббентропом о том, чтобы как можно удобнее эвакуировать графское семейство.

Пока немецкие войска отступают на запад, в замке Ланьцута идет спешная упаковка картин и других ценностей. Сотни ящиков с богатыми коллекциями и прочим графским имуществом отправляются из Ланьцута в Вену. В конце июля 1944 года советские танки врываются на улицы Львова. В это самое время Поточкий вместе с мамашей и свитой покидает свои угодья в Ланьцуте. С рекомендательными письмами к видным чинам «третьего рейха» в кармане, эч через Краков и Вену направляется в Нижнее Лихтенштейн, а оттуда — в Швейцарию.

Нынешнее местожительство графа — Лондон. Здесь нашел пристанище и издатель бывший хозяин Ланьцута.

...Очень правы были наши друзья из польской газеты «Трибуна людей», назвав мемуары графа Поточкого «смесь мании величия и национального предательства». Мемуары эти предельно откровенны в своем воинствующем, беспартийном цинизме. Они жаждут еще откровенней, когда подумаете, что книга вышла перед двадцатилетием гитлеровского нападения на Польшу. Потомок польских магнатов не только выворочил наизуток свое собственное нутро, но и разоблачил традиционные нравы космополитической польской аристократии, столько горя принесшей братскому польскому народу.

ХРОНИКА

За последнее время в КНР вышел ряд сборников, посвященных недавней борьбе с буржуазными элементами и ревизионистами в китайской литературе. Один из них — объединяющий более 30 работ «Сборник статей о социалистическом реализме» — выпущен издательством «Синьжень».

Сборник открывает статью критика Чжан Гуан-няня «Социалистический реализм существует и развивается», где автор выступает с серьезной критикой ревизионистских тенденций некоторых китайских литераторов.

Известный критик Яо Ван-юань в статье «Социалистический реализм — новая литература эпохи пролетарской революции» убедительно доказывает, что литература социалистического реализма выросла в огне пролетарской революции. Ее великая жизненная сила состоит в том, что она языком искусства и художественных образов следит делу социалистической революции.

Интересна статья Ли Си-фана «Какова сущность лозунгов «мешиваться в жизнь» и «писать правду»? По мнению критика, искажение действительности в книгах отдельных авторов объясняется отрывом писателей от жизни народа, от его насущных интересов.

Статьи известных критиков и литературоведов, вошедшие в этот боевой сборник, говорят о принципиальной, партийной позиции китайских литераторов, их верности искусству социалистического реализма.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

БОЕВОЙ СБОРНИК

«СНЕЖНЫЙ КОМ»

В романе «Снежный ком» известный австралийский журналист и писатель Гэвин Кейси рассказывает историю большой семьи аборигенов. Эти люди живут на окраине глухого провинциального городка, который критик из прогрессивной газеты «Трибуна» называет «австралийским Литл-Роком». Снежный ком — прозвище данной синхронизированной семьи, черноморскому старухе. Его младший сын Джек Чарльз выступает главным героем романа.

Семья Чарльзов терпит лишения и нужду, страдает от расовой дискриминации. Такова участь всех аборигенов, загнанных расистами в глубь континента, в безводные степи и пустыни.

Джек Чарльз отныне покорится колониальным порядкам, его гордый, упрямый дух протестует против пренебрежения, которым окружено белое общество аборигенов. В этой борьбе за справед-

ливость он не одинок. Демократически настроенные жители города оказывают ему поддержку и помощь. Среди них — друг Джека рабочий Грег Стэрлтон, директор и учительница местной школы. Семья Чарльзов, отмечает критика, борется за лучшие, достойные человека условия жизни.

Снежный ком — роман о человеческих правах в соседней резервации под диктаторским контролем правительства. Это борьба за подлинную свободу всех людей безбелого цвета кожи, где бы они ни проживали в Австралии.

Газета «Трибуна» дает роману Гэвина Кейси высокую оценку. «Автор — говорит рецензент, — человек, обладающий тонкой наблюдательностью и демократическими симпатиями, он рисует подлинную и захватывающую картину жизни и поучительна».

В ПОИСКАХ ВДОХНОВЕНИЯ

В былые дни, говорят, вдохновение «нисходило свыше». Благородный поэт обращал взор горе и ждал, когда его «осенит». Так просто это было в прошлом. Теперь вдохновляться иначе. Как? А вот посмотрите на этого арабита. Он, между прочим, — австралийский писатель. Его зовут Майкл Кемпбелл. Он пытается поощрять обыкновенную каменную плиту. Оказывается, плита дарит вдохновение тому, кто ее облизывает, стоя над соловьем. Удается ли Кемпбеллу его трюк? Австралийский журнал «Букс энд букмен» не сомневается в этом. Что ж, тогда от автора произведений «легкого жанра», по-видимому, можно ждать новой книги, теперь уже восточного головоломия.

Да, неслыханным трюком добывает свой гонорар Майкл Кемпбелл. Не надеясь на «озарения» свыше, он ищет его где-то внизу, каждый раз рискуя при этом свернуть шею.

Главный редактор С. С. СМРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЫБЧИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Правосудие в Мирамаре»

Жил-был садиком. Он мирно возделывал свой сад. Казалось бы, все в порядке. Но садиком имел обыкновение копать землю лопатой. И это погубило его. Его «манера копать» показала властям предержащим подозрительность. Садиком схватили и, обвинив в невероятном преступлении, бросили в тюрьму... Такова завязка сатирической пьесы французского писателя Робера Мерля «Правосудие в Мирамаре», премьера которой состоялась летом этого года в парижском театре «Гэртр».

Действие происходит в вымышленном королевстве Мирамар. Несчастного героя пьесы, подозреваемого в республиканских настроениях, обвиняют в «кубистских любовных» связях. Вся мучащая «юридическая» машина, судьи и

политические, пресмыкающиеся перде его величеством Колосом II, а затем перед сменяющим его правительством, обрушиваются на него в чем не повинного садиком. Отдельные сцены пьесы живо напоминают зрителю страшные сцены французской полиции, которая не перестает «клеить» переводя общественность Франции.

Постановка пьесы Робера Мерля, представляющей собой, по выражению газеты «Юманите», яркую «обвинительную акцию против казосового суда», была тепло встречена публикой. Робер Мерль сумел поднять свою сатиру до уровня разоблачения социальной и политической действительности, — писала в рецензии на спектакль прогрессивная газета «Либерасьон».

ЖЕСТОКАЯ ЖИЗНЬ

«Новый роман Пьера Паоло Пазолини «Жесткая жизнь» — книга значительная, написанная автором выдвинутым в первые ряды современных итальянских писателей», пишет газета «Уинта».

Как и в первом своем романе «Дети улицы», Пазолини избрал героями людей социального дна. Томмазо Пучцилли с раннего детства видит вокруг себя бесповоротную нужду, но знает никаких моральных идеалов и даже не представляет себе, что жизнь может быть иной. Он сблизается с фашиствующими хулиганами, становится заведующим баром, учится воровать, участвует в избивании рабочих.

Но неужели жизнь не может быть таким юным, как Томмазо Пучцилли, никаких благородных целей и идеалов? — спрашивает писатель. Ответ на этот мучительный вопрос он дает во второй части романа, где рассказывает о судьбе Томмазо после того, как тот решает жить честным трудом. В финале романа Томмазо Пучцилли спасает женщину и детей от наводнения, смывшего лачуги бедняков.

Роман Пазолини заканчивается смертью героя. Но трагическая развязка не затеняет общий смысл произведения, которое будет в читателе светлые и добрые чувства, учит верить в человека, способного быть благородным и сильным даже в беспредельно жестокой жизни.

BE A VÖRÖS

Будущее издательство «Юрвина» выпустило в этом году и соразмерно провозглашению Венгерской Советской Республики — большой и очень интересный альбом «Плакаты Венгерской Советской Республики». Альбом содержит много интересных плакатов, которые появились на улицах венгерских городов в 1919 году, помогали молодой республике мобилизовать силы, противостоять натиску врага. Сегодня мы публикуем один из этих плакатов. Его автор — художник Эден Данко. Он называется «В Красную Армию».

«ВЕРТЕР» ИЗ «ПОДЗЕМЕЛЬЯ»

Недавно вышел в свет роман американского писателя Джека Керуака «Люди подземелья». Книга посвящена жизни так называемого «разбитого поколения», которое сформировалось после второй мировой войны в годы, омраченные атомной горькой.

Герой романа «Люди подземелья» Лео Перселл, молодой писатель, представитель «разбитого поколения», — человек с изломанной психологией. Его любовь к негражданской девушке Марду Фокс — основа сюжета. На фоне пьяных кутежей, разврата, заумных выспренных философских разглагольствований любовь Лео и Марду кажется единственным светлым пятном. Но Лео, ослурманный бессмысленностью подобного существования, часто относится к Марду пренебрежительно и даже жестоко. В редкие минуты просветления он с ужасом видит, что теряет любовь Марду. Эта трагедия любви кажется буржуазным американским критиком нелепой и смешной. Один из них, Дэвид Демис, иронически назвал Лео современным Вертером, не кончающим жизнь самоубийством. Сколь бы натянутой ни казалась эта аналогия, в ней есть зерно истины. Сходство, конечно, не в любовных переживаниях, а в отращивании героев к социальным условиям. Как и Вертер, Лео не приемлет мира корыстных интересов, буржуазного эгоизма и духовной косоности. Но, в отличие от героя Гёте, Лео остается пленником «подземелья» современного ему общества.